

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Л.П. ЕВСТИГНЕЕВА,
Р.Н. ЕВСТИГНЕЕВ

Рыночная трансформация России: нетрадиционный взгляд*

Десять лет реформ в России уже дают достаточный материал для того, чтобы оценить реальное положение и сделать выводы на перспективу. Однако ни то, ни другое невозможно при отсутствии единого теоретического подхода к экономической трансформации. Вместе с тем пока мы наблюдаем только стремление к политическому консенсусу весьма разнородных точек зрения. Например, по свидетельству некоторых участников разработки правительственной программы реформ на перспективу до 2010 года, в ней были объединены 13 разных теоретических подходов. Не является ли это свидетельством теоретической ущербности или просто банальности рекомендаций ученых?

Вопрос далеко не праздный, так как вектор любого консенсуса направлен к популистским представлениям. Недаром сам термин возник в рамках психологической теории толп, о чем пишет, в частности, классик социальной психологии С. Московичи. Он специально подчеркивает, что концепция психологии толпы может служить основанием для политики, но не для экономики [Московичи, 1996]. В сущности, *идея конкурентного рынка и отрыва экономики от государства в начале реформ и была своего рода консенсусом, экономической метафорой чисто политического отрицания обществом антидемократической природы социалистического государства.*

Практические проблемы российской рыночной трансформации поставили под сомнение приемлемость для нее многих традиционных логических конструкций, в первую очередь конструкцию рынка свободной конкуренции и адекватную ему дилемму "рынок - государство".

Рынок свободной конкуренции и рыночные реформы в России

В середине 2001 года "Коммерсантъ" опубликовал статью экономического советника Президента России А. Илларионова, уже давно выступающего с идеей совмещения рынка свободной конкуренции с управлением рыночной макроэкономикой. По его мнению, основным управляющим параметром должен стать валютный курс

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №00-02-00И1а)

Евстигнеева Людмила Петровна - доктор экономических наук, заведующая лабораторией Международного научно-исследовательского института проблем управления

Евстигнеев Рубен Николаевич - доктор экономических наук, профессор, заведующий центром Института международных экономических и политических исследований РАН

рубля и, соответственно, основным объектом регулирования - государственные валютные резервы. Предполагается при этом, что валютный рынок должен подчиняться законам рынка свободной конкуренции, а финансово-денежная стабильность - базироваться на оптимизации платежного баланса [Илларионов, 2001].

Не будем углубляться в анализ данной логической конструкции, тем более что оппоненты Илларионова, на наш взгляд, довольно четко определили ее слабые места. Так, А. Шохин отметил: "Без структурных реформ, которые в итоге абсорбируют денежную массу в экономику, ничего не выйдет" [Шохин, 2001, с. 6]. А М. Задорнов указал: "...Фактически нет единой, как это записано в законах о правительстве и ЦБ РФ и Конституции, согласованной денежной политики между ЦБ и правительством" [Задорнов, 2001, с. 6]. Мы лишь подчеркнем, что общий просчет автора - полное игнорирование природы макроэкономики и ее синергетического потенциала.

Что главное для микроэкономики и конкурентного рынка? Достаточно устойчивое и жесткое соотношение количества денег в обращении и внутреннего стоимостного эквивалента денежной единицы. Для макроэкономики же возникает проблема внешнего стоимостного эквивалента - валютного курса. Однако отсюда не следует, что Общественное производство должно переориентироваться на экспорт или мировые цены.

Макроэкономика дает совсем не простое решение этого вопроса. Помимо проблем структурных уровней и специфицированных денежных оборотов, должна постоянно решаться проблема взаимной денежной метаморфозы разных функциональных капиталов (финансового, денежного, реального, капитализированного дохода). Без этого невозможно сформировать единую для страны денежную инвестиционную систему, а значит, и единый механизм накопления. Без таких предпосылок проблема валютного курса как бы съезживается, сводится к проблеме валютных резервов государства и в перспективе рано или поздно утрачивает свои регулирующие функции: они тонут в приоритетном регулировании экономики на базе бюджетного финансирования.

Практика рыночного реформирования в России очень остро ставит эти вопросы. Она демонстрирует очевидную недостаточность для нее формулы Вашингтонского консенсуса, из которого вытекают выводы, замедляющие переход России к рынку и выход из экономического кризиса. С одной стороны, российская рыночная трансформация не вмещается в алгоритм: сначала конкурентный рынок - потом рыночная Макроэкономика. Дело в том, что исходные условия реформирования включали не только приватизацию, но и формирование *крупного финансового капитала*. А финансовый капитал как базис рыночной экономики принадлежит макроэкономике. В этом случае проблемы развития рынка нельзя свести к формированию общих условий функционирования микроэкономики.

С другой стороны, за скобки формулы Вашингтонского консенсуса выносятся рыночная трансформация *индустриального ядра российской экономики*. Нельзя же ее сводить к тому, чтобы предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК)² проводили конверсию и входили в рынок на общих основаниях. Существует особая макроэкономическая проблема рыночной трансформации индустриального ядра (проблема автономных для внутреннего рынка капитальных денег).

Обе названные проблемы не являются специфически российскими. Именно поэтому они нуждаются в методологических изысканиях, выходящих за границы *economic* у область экономической синергетики.

¹ Напомним, что так называемый Вашингтонский консенсус - своего рода рекомендации по проведению Экономической политики, выработанные МВФ, Всемирным банком и Министерством финансов США. - возник в 1980-е годы как реакция на структурный кризис в странах Латинской Америки. Он включал в себя меры по либерализации внутренней и внешней торговли, рыночное ценообразование, приватизацию и макроэкономическую стабилизацию. В 1990-х годах эти меры были применены в постсоциалистических странах.

² В последние годы аббревиатура ОПК вытесняет привычную ВПК - военно-промышленный комплекс.

Тут есть одна сложность эмоционального порядка. Принято считать, что российская рыночная трансформация - революционный переход от социализма к капитализму. В то же время синергетическая парадигма предполагает исследование трансформации как системной эволюции социализма. Этот эмоциональный барьер преодолеть легко, если не смешивать социализм с этатизмом и не считать, что в "холодной войне" могут быть победители и побежденные. Тогда можно будет увидеть в социализме не неудачный "большевистский эксперимент" (термин Л. фон Мизеса), а исторический феномен в рамках развития западной цивилизации: альтернативную форму классическому капитализму и первый в истории опыт включения фактора труда в систему субъектных отношений общества, т.е. исторически первый опыт массовой субъективности. Это позволит исследовать особенности экономики социализма с точки зрения формирования его трансформационного потенциала и связанного с ним алгоритма движения к рынку.

Вместе с тем все сказанное о необходимости строить идеологию рыночного реформирования в России на теории рыночной макроэкономики, а не рынка свободной конкуренции, поднимает вопрос об отношении к либерализации. Может ли массовый частный собственник по аналогии с моделью первичного конкурентного рынка воздействовать на макроэкономику?

Макроэкономика и либерализация

Положительный ответ предполагает одно существенное условие, состоящее в том, что индивид (частный собственник) может выступать в роли субъекта по отношению к макроэкономике, если он достаточно дистанцирован от нее. То есть макроэкономика предполагает определенную политизацию индивидуальных участников рынка. Должна быть углублена демократия, укреплены в правовом отношении статусные позиции массовых участников гражданского общества. Соответственно, государство становится активным институциональным субъектом рынка в качестве носителя общественного интереса к демократии и политической либерализму.

Теперь посмотрим на проблему со стороны макроэкономики. В отличие от заинтересованного отношения индивида к оптимизации конкурентного рынка, он равнодушен непосредственно к параметрам макроэкономики, его интерес сугубо косвенный - к условиям хозяйствования (правовой и инвестиционный климаты).

В макроэкономике инициатива хозяйствования переходит от индивидуального к институциональному субъекту. При этом возникает необходимость персонификации институциональных субъектов макроэкономики ради возможности постоянного диалога институционального субъекта и индивида. В этом диалоге на стороне института выступает крупный капитал, на стороне множества индивидуальных субъектов рынка - мелкий и средний частный собственник.

Процесс персонификации институциональных субъектов макроэкономики приводит к тому, что макроэкономика как структурная целостность выступает персонифицированно в виде кооперации крупного капитала, тогда как микроэкономика как монолит рынка свободной конкуренции (массового частного собственника) фиксируется путем превращения микроэкономики в самостоятельный структурный уровень макроэкономики. Таким образом, *концентрация капитала и демократизация рынка в условиях макроэкономики должны быть спаяны воедино, и это - узловая проблема ее институционализации.* В российских экономических программах это еще слабо осознано, поскольку достаточно реальна угроза превращения крупных капиталистов в олигархов. Поэтому споры носят слишком политизированный характер. Вместе с тем на практике уже получают развитие такие свойства макроэкономики, как публичность (политизация) экономики, ее прозрачность, ее восприимчивость к управлению государством.

Применительно к макроэкономике нельзя говорить, будто крупный финансовый капитал стремится монополизировать рынок и препятствовать действию ценовых

конкурентных механизмов. Его назначение в спецификации рынков и в переводе структурированного по горизонтали множества субъектов и объектов рынка свободной конкуренции в структурированное множество по вертикали, или в сложную систему структурных уровней рынка.

Будучи объединенным посредством налаженной и разветвленной системы денежных оборотов, крупный капитал просто не может существовать вне рыночных конкурентных механизмов, создающих условия мобильности капитала, взаимной денежной метаморфозы разных функциональных капиталов и непрерывности денежных оборотов. Вместе с тем это не значит, что структурные компоненты макроэкономики вторичны по отношению к конкурентному рынку и микроэкономике. Напротив, они приоритетны. Их приоритетность является синергетической по своей природе.

Синергетические принципы развития рыночной макроэкономики

Для российской трансформации нет ничего важнее осознания синергетических возможностей развития. Это позволило бы сделать рывок в сторону ориентированного на высокие технологии и экспансию новой, информационной экономики рыночного экономического роста. Кроме того, это привело бы к почти парадоксальному, с точки зрения нынешнего состояния экономики России, соединению ускоренного экономического роста со значительным повышением уровня доходов и благосостояния населения.

Пора перестать вести бесплодные дискуссии о роли государства в экономике с позиций дилеммы "рынок-государство". Макроэкономика содержит в себе возможности снятия указанной дилеммы. Однако это предполагает построение идеологии рыночного реформирования на более конкретной основе, чем частная собственность и рынок. Имеется в виду обращение к финансовому капиталу как к базису рыночной трансформации, а это и есть проблема развития как саморазвития рыночной макроэкономики. Соответственно, конкурентные рыночные отношения погружаются в пространство внутренней конвергенции финансового капитала и государства.

Здесь нужно быть готовым к нелинейной динамике. К вероятностям вместо причинно-следственных траекторий. К подготовке всякого нового качественного перехода в ходе формирования трансформационного потенциала. К ситуациям нарастания хаоса и потери приоритета экономики перед политикой и преодоления таких ситуаций. К движению от неравновесия к равновесию, к сочетанию равновесия и деградации, к диссипативному характеру новых структур и институтов, преодолевающих деградацию.

Словом, необходимо освоение экономической синергетики в качестве нового видения возможностей рыночной трансформации в России. Мы не берем на себя смелость развернуть данный тезис сколько-нибудь полно. Наша задача - показать принципиальную возможность и необходимость такой идеологической и практической альтернативы рыночных реформ в России.

Остановимся очень коротко на синергетической природе приоритетности рыночных структур макроэкономики по отношению к рынку свободной конкуренции. Во-первых, рыночные структуры макроэкономики превращают экономическое пространство в информационное, в котором информация порождается кооперативным действием системы (именно поэтому это - синергетическая информация по Г. Хакену [Хакен, 1991, с. 50]). Во-вторых, иерархия структурных уровней рыночной макроэкономики формирует иерархию информационных уровней, которая становится механизмом обмена информацией и "некоторого специфического согласования активности отдельных частей системы, или самоорганизации". В итоге, увеличивается надежность и эффективность экономической системы [Хакен, с. 51]. В-третьих, в сложную структуру макроэкономики органически включается государство, благодаря чему

полным становится информационный потенциал развития экономики, и любые конкретные внешние воздействия улавливаются системой как целостностью, что повышает энергетический тонус эволюции на принципах самоорганизации.

В-четвертых, из указанных выше трех синергетических свойств рыночной макроэкономики вытекает органическая необходимость глобализации. В-пятых, развитие рыночной макроэкономики с точки зрения синергетики предполагает усложнение. При этом всякое качественно новое состояние системы осуществляет сжатие информации - появляются новые агрегированные объекты и субъекты (институты). Однако качественному скачку (фазовому переходу на языке синергетики) предшествует квазиупрощение ситуации, когда внимание общества концентрируется на небольшом количестве самых актуальных потребностей. Синергетика исследует эту сторону развития на базе концепции параметров порядка [Хакен, с. 32].

Так, ситуация перед началом российских реформ характеризовалась только одним, но чудовищным для России, параметром - лавинообразным снижением эффективности капиталовложений, что оборачивалось растущим относительным дефицитом инвестиций. Одновременно увеличивался инфляционный навес в потребительском секторе рынка (вследствие недостатка товарного покрытия потребительского спроса). То, что это разные тенденции, обнаружила рыночная реформа.

Для социализма с его единым экономическим субъектом в лице государства проблема виделась в недостаточном экономическом росте, и, соответственно, проблема дефицита потребительских товаров рассматривалась как производная от распределения ВВП. Поэтому первой экономической концепцией с реформаторским потенциалом была вовсе не программа "500 дней", а программа ускорения (вторая половина 1980-х годов). Она предполагала концентрацию всех ресурсов в индустриальных секторах экономики, чтобы не только выйти на положительные приросты ВВП, но и создать базу для повышения технологического уровня экономики с перспективой увеличения эффективности капиталовложений и в конечном счете - благосостояния. Об этой программе забыли, так как она лежала в русле пролонгирования индустриализации. Снижение эффективности капиталовложений определяло всю логику хозяйствования - блокировало любые иные варианты развития, кроме индустриального напора, и подвело к устойчивой ситуации с отрицательными приростами ВВП.

В синергетике доказано, что при качественном переходе изменяются регулирующие макроструктуру параметры, само это изменение опирается на неопределенные, вероятностные алгоритмы, и "при изменении управляющих параметров в широком диапазоне системы могут проходить через иерархию неустойчивостей и сопровождающих их структур" [Хакен, с. 32]. В этой связи необходимо исследовать алгоритм рыночной трансформации в качестве объективной логики становления в России рыночной макроэкономики не с чистого листа, не со слова "нет" социализму, а с учетом трансформации присущей социализму индустриальной ориентации его экономики.

Чтобы понять содержание, алгоритм и перспективы рыночных реформ в России, следует исходить из того, что необходимо было *капитализировать* экономику социализма, которая не имела капитала и опиралась на общественную кооперацию живого труда (это - ее социально-экономический базис). Совершенно естественно, что экономика, в которой капитал замещен трудом, может существовать до момента завершения массовой индустриализации, т.е. экстенсивного этапа ее развития. Российская экономика должна была расстаться со своей традиционной спецификой, связанной с тем, что она представляла собой микроэкономику с госмонополизмом на макроуровне. Проблема капитализации высоко индустриализованной страны необходимо включала в себя и задачу перехода к рыночной макроэкономике (примерно та же задача, которая решалась капитализмом в конце 1920-х - начале 1930-х годов).

Реформаторы сильно упростили ситуацию, когда думали, что реформа должна была просто "приватизировать бизнес" (выражение А. Чубайса). Речь должна была идти о *формировании структур и институтов, адекватных рыночной макроэко-*

номике. а не о конкурентном рынке микроэкономики. Это очень существенное отличие, о котором говорилось выше. Иерархия структурных уровней должна обеспечивать организацию реформирования как процесс самоорганизации экономики. Трудность в том, что исторически в России не была подготовлена почва для рынка микроэкономики. Парадоксально, но социализм подготовил себя к рыночной макроэкономике, минуя простые исторические формы конкурентного рынка. Тем самым, рыночные реформы потребовали теоретического осмысления места и роли конкурентного рынка внутри макроэкономики. Эта задача до сих пор не решена достаточно полно, чтобы можно было составить четкие практические рекомендации движения от финансового капитала к рынку свободной конкуренции.

Совершенно не адекватно рыночной макроэкономике формулирование в качестве первой задачи реформ отделения рынка от государства. Необходимо было осознать *характер рыночных функций государства* и требования к нему переходной экономики. Существенна, кроме того, *увязка рыночной трансформации с глобализацией на принципах открытости внутреннего рынка как целостности*, соответствующей самодостаточности рыночной макроэкономики.

Наконец, намечая программы, необходимо было исходить из того, что *ступени движения к рынку следовало формулировать как ступени усложнения экономики, а не ее упрощения.* Последнее, к сожалению, стало основным направлением: подвергается разрушению все, что мешает подчинению производства потребительскому и инвестиционному спросу, финансовой базой которого является доход, как это предписывает Вашингтонский консенсус.

Из сделанных выше замечаний вытекает, что *целевая установка рыночных реформ в России на создание рынка свободной конкуренции разрушительна для производительного потенциала, сформированного еще при социализме.* Для его сохранения нужны *реформы, ориентированные на построение рыночной макроэкономики.*

Интересно понять, существуют ли в экономике механизмы самозащиты от разрушительного политического воздействия в рамках идеологии Вашингтонского консенсуса, или пределы разрушения - свободный социальный выбор общества? Вызывает теоретический интерес и тот факт, что объявленные рыночные реформы, основанные на идеологии рынка свободной конкуренции, начались с образования крупного финансового капитала. Какие тенденции закодированы в таком начале реформ?

Идеологическое противоречие рыночных реформ в России

Российские реформы начались с противоречия. С одной стороны, они ориентировались на модель рынка свободной конкуренции (в границах требований Вашингтонского консенсуса). С другой стороны, несущей конструкцией новой рыночной экономики стал крупный финансовый капитал в связке с государством.

Что касается первого направления реформ, то здесь российское общество как бы сузило стартовый кругозор: решалась не целиком проблема эффективности капиталовложений, а только ее финансовый ракурс, а в нем - только проблема инфляционного навеса. Его снятие означало для экономики приведение платежеспособного спроса к предложению. Обратной стороной данной ситуации стала приватизация с ее нацеленностью на утверждение зависимости предложения (производства) от рыночного спроса в рамках действия цен равновесия.

Именно эта задача создала совершенно новую для социализма ситуацию - превращение прежнего, обладающего приоритетным положением, индустриального ядра экономики в рядовой ее сектор, зависимый от рыночного, экзогенного для него, спроса. Причем оказалась утраченной секторальная целостность индустриального ядра экономики: его спрос не интегрирован - ни идущий от него, ни идущий к нему. Спрос на его продукцию оказался расщепленным между множеством отдельных

предприятий, заинтересованных только в результатах текущей хозяйственной деятельности. Можно сказать, что был взят курс на разрушение макроскопических компонентов рынка, но тем самым - на деградацию всей экономики.

Здесь мы подошли к очень важному методологическому вопросу. Дело в том, что решение проблемы оптимизации инвестиционных и потребительских потребностей так, как это позволяет финансово-денежное равновесие, как бы выводит за скобки факт присутствия на рынке промышленного ядра в качестве особого фактора экономического роста. Именно такова ситуация в России, где подавляющее большинство производств инвестиционного сектора промышленности заключено в форму ОПК. Вместе с тем проводимые реформы не предложили механизма рыночной трансформации ОПК. Не найдена пока и форма, в которой бы инфляционный инвестиционный потенциал экономического роста, формируемый денежным капиталом, претерпевал обратную трансформацию в производительный потенциал, который складывается в недрах реального капитала как целостности.

Есть подозрение, что авторы наших экономических программ не вполне осознают, что денежный капитал не есть деньги, циркулирующие в качестве средств обмена и платежа на рынках свободной конкуренции. Эти понятия разделяются. Деньги трансформируются в денежный капитал тогда, когда из товарно-денежного оборота вычлняется оборот инвестиционный, свидетельствующий о том, что рынок капитала достаточно развит, чтобы его собственные денежные обороты обслуживали возмещение и накопление капитала. Нашей стране ничего бы не оставалось, как ждать, когда же будет, наконец, развернут мощный конкурентный рынок, если бы социализм по-своему не создал системно связанные, образующие целостность основные производственные фонды, воспроизводство которых покоилось на бюджетном финансировании отраслей и предприятий. Идеология российских реформ игнорирует этот факт. А что экономически означает вариант реформ, игнорирующий проблему рыночной трансформации индустриального ядра как целостности? Мы специально остановимся на данной проблеме, чтобы вырваться из логической ловушки дилеммы "рынок или государство".

Мы исходим из того, что необходимо различать концепцию рынка свободной конкуренции как системы конкурентных механизмов, существующих в любой рыночной экономике, в том числе в макроэкономике, от идеологии рыночных реформ, идентифицирующей конкурентный рынок с моделью рынка свободной конкуренции. Такого рода идентификация применительно к высоко индустриальной экономике равносильна курсу на деградацию последней.

Развитие рынка как преодоление деградации российской экономики

Можно утверждать, что рынок свободной конкуренции - предельное научное понятие. Поэтому в чистом виде он не может быть целевой установкой рыночной трансформации. Более того, чем развитее рынок и сложнее его устройство, тем глубже проникает в него государство. На почве индустриально развитой социалистической экономики (разумеется, если не ставится задача выжечь ее дотла) нельзя насадить исторически начальный конкурентный рынок, который теоретически ближе всего к модели рынка свободной конкуренции. Вместе с тем, предельное тяготение к такой модели неизбежно - и как неявная внутренняя ориентация создаваемых рыночных структур, и как очевидный продукт деградации социалистической системы.

Снятие социалистических предприятий с бюджетного финансирования, либерализация цен и первичная приватизация есть энтропийный процесс деструктуризации, которому в принципе должна быть противопоставлена рыночная диссипативность. Диссипативные структуры должны быть институтами рыночного оборота, сохранять свойственный ему ценовой механизм конкуренции. Однако внутри диссипативных структур этот механизм предстает перед нами погруженным в пространство макро-

скопических институтов и структур, имеющих разные формы взаимодействия, денежно-механизм координации, взаимный обмен информацией и наличие ее носителей.

Если говорить о России, то чисто политически общество способно ставить перед собой цель перехода к конкурентному рынку, но экономически оно сталкивается с проблемой создания институтов и воспроизводственных структур разных функциональных капиталов. А это значит, что общество должно сделать выбор типа рыночной экономики. Такой выбор не является совершенно свободным, он зависит от степени накопленной в экономике сложности.

С одной стороны, формирование конкурентного рынка предполагает институциональную эволюцию предприятия как производителя (субъекта оборота реального капитала), как инвестора (субъекта оборота финансового капитала), как потребителя (субъекта оборота дохода: на этой игровой площадке коллектив предприятия активно включается в процессы развития гражданского общества и политической среды), как эмитента (субъекта оборота денежного капитала, что в развитом рынке совпадает по содержанию с оборотом денег). С другой стороны, формирование рыночного предприятия опирается на эволюцию рынка как структурированной совокупности денежных оборотов финансового капитала, или инвестиций, денежного капитала, дохода, реального капитала. Тем самым рыночная трансформация на уровне предприятия предполагает взаимную идентификацию рынка и предприятия, т.е. фрактальность экономического устройства.

Приближение же к энтропийным максимумам макроэкономики и микроэкономики (а такие крайности весьма характерны для России) развязывает процесс социальной деградации и провоцирует провал экономики на социальное дно, т.е. в ситуацию, когда имеет место приближение массы населения к границе физической выживаемости. При этом общество (по крайней мере большинство населения) испытывает страдания не только от резкого падения уровня благосостояния, но и от сильного понижения социального и психологического тонуса.

И. Пригожий, исследующий синергетические свойства больших систем в условиях неравновесия, выдвигает идею о появлении высокой активности материи в отдалении от энтропийного максимума [Пригожий, 2000, с. 53, 62-64, 82; Пригожий, Стенгерс, 2001, с. 68, 70]. Применительно к экономике это означает уменьшение масштабов общественного выбора вариантов развития по мере приближения к точкам энтропийного максимума. Если мы слышим, а в России мы слышим это часто: "Каждому ясно, что надо делать, но не хватает-де политической воли", то это означает, скорее всего, что общество вошло в режим социальной депрессии, связанный с опасным приближением к точкам энтропийного максимума.

По мере приближения к максимуму энтропии на уровне макроэкономики экономика теряет системность и вместе с нею - технологический уровень общественного производства. По мере приближения к максимуму энтропии на уровне микроэкономики потери несет нормативный рынок и деградируют его инвестиционные механизмы. Приближение к максимуму социальной энтропии означает потери на уровне индивидуального, личностного существования общества. Как отойти от этой роковой черты?

Экономическая синергетика как новый подход к трансформации

Чтобы перевести изложенные выше теоретические рассуждения в практическую плоскость, нужно отречься от двух расхожих представлений. Первое касается оценки понижения сложности социалистической экономики в процессе ее реформирования и сопряженных с этим системных потерь. Будто бы, чем глубже зашли разрушения социалистической экономики, тем лучше для ее рыночной трансформации. Это заблуждение, связанное с непониманием того, что решение проблемы рыночной трансформации индустриального ядра требует не упрощения, а усложнения социалисти-

ческой экономики На пути усложнения единственно достижима и цепь повышения уровня жизни населения

Второе, же популярное рассуждение касается якобы позитивной роли экономической дна, которое способно дать импульс к подъему экономики на основе отдельных успешных предприятий (точек роста). Но что может дать экономике максимум экономической энтропии с характерным для нее разрушением целостности внутренней рынка и вытеснением конкурентных механизмов институтом фирмы? Картина в реальности очень яркая - массовое снижение эффективности, коррупция, стихийное перераспределение собственности, огромный удельный вес теневого сектора, криминализация...

В основании указанного мнения лежит линейная причинно-следственная логика, согласно которой старое, уходящее, оценивается со знаком минус, тогда как новое развивающееся - со знаком плюс. При этом предполагается жесткая последовательность событий: сначала разрушается старое, потом его место занимает новое. Экономическая синергетика смешивает эти понятия, так как предполагает существование *алгоритма развития, на каждой ступени которого формируется трансформационный потенциал*. Сформировался или нет трансформационный потенциал дальнейших рыночных преобразований - вот принцип оценки общего позитивного вклада всех конкретных участников и той ситуации, которая возникает в ходе их взаимодействия

Так убыточное предприятие не всегда потенциальный или фактический банкрот который вытесняется с рынка и замещается конкурентоспособным предприятием Низкий уровень эффективности может выполнять самые разные функции для предприятия (способ получения бюджетных субсидий, оправдание платежей и бартера, форма распределения и перераспределения материальных ресурсов внутри предприятия). А это означает что, убыточное предприятие в современной российской ситуации является компонентом не деградирующей микроэкономики, а *энтропийной макроэкономики*, так как оно не имеет системного институционального базиса для нормального, с точки зрения рынка функционирования. Заблокирован его эффективный экономический рост. Не приходится говорить, о конкурентоспособности на мировых рынках. Причем дело даже не в том, много или мало убыточных предприятий, в том, что деградация системных связей макроуровня обуславливает ускорение энтропийных процессов на микроуровне.

Теперь о предприятии как о феномене *энтропийной микроэкономики*. Главное предприятие не обязательно убыточно. Главное, что оно поставлено в ситуацию рыночного хаоса с точки зрения системных свойств рынка. Внутри рыночного хаоса предприятие само создает рынок формируя свои рыночные связи вслепую. Это полностью или частично теневое (вне нормативного рынка) предприятие, ориентированное **на долларизацию своих доходов и оплодотворение накопления (в форме бабства капитала), стремящееся свести к минимуму воздействие на него как государства, так и нормативного рынка.** В таких обстоятельствах неизбежно происходит перераспределение собственности, активно используется возможность долларизации как форма эволюции теневого рынка и поддержания устойчивости предприятия на рынке.

Наличие мощного теневого сектора в экономике России (40-50% ВВП) говорит о далеко зашедшей деградации социалистической экономики Но это только с одной стороны, тогда как с другой - то же самое свидетельствует о спонтанном формировании диссипативных структур рынка как специфической (переходной) системой целостности, альтернативной нормативным рыночным отношениям, контролируемым государством. Теневой - не обязательно криминальный, а вот его корреляция с бартером действительно очень сильны.

Предприятие, взятое в качестве элементарного субъекта энтропийной микроэкономики, т. е. совокупности дискретных разорванных рыночных оборотов является полностью или частично бартерным. Если тень защищает предприятие от насильственного участия в нормативном рынке с его деградированными системными связями

а значит, с отсутствием единого механизма накопления, то бартер открывает возможности становления рынка на собственной основе, т.е. на принципах самоорганизации, как бы игнорируя системную деградацию экономики. Таким образом, бартеризация экономики - характерная особенность рынка, в котором институт конкуренции на основе цен равновесия вытесняется институтом фирмы.

В докладе Всемирного банка отмечается, что теневая экономика напрямую связана с низкой эффективностью, так как является механизмом сохранения мягких бюджетных ограничений. Доклад ставит проблему "нового типа промышленной организации, нацеленной на использование скрытых субсидий" [Разрушение... 2000, с. 40]. Однако можно выделить специфическую функцию теневой экономики с акцентом не на низкую эффективность, а на бартер. Речь идет о формировании российского рынка как целостности, для которой характерна ориентация производства на внутренний спрос. Об этом свидетельствуют как постоянное нарастание доли бартера в промышленной продукции (продажа), так и более широкое его использование, в том числе ребартера, крупными предприятиями [Аукуционек, Батяева, 2000]. При этом существенно, что имеет место спонтанное формирование рынка, альтернативное по отношению к сфере распространения нормативного рынка.

Если прибавить еще и этот признак, то теневая экономика по своему масштабу и месту на экономической карте приближается к локализации убыточных предприятий в той их части, в какой убыточность становится следствием утраты предприятиями системных связей. И теневые предприятия, и убыточные сосредоточены главным образом в инвестиционном комплексе отраслей, включая ОПК. Не случайно именно в этом секторе экономики самые низкие показатели использования основного капитала.

Наконец, мы подошли к главной синергетической загадке российской экономики. Первый заход в ее область был сделан в той части статьи, где сформулировано основное идеологическое противоречие реформ: их нацеленность на формирование рынка свободной конкуренции при опоре на крупный финансовый капитал. Это противоречие получило развитие в современной структуре российской переходной экономики. С одной стороны, в ней четко выделились главные функциональные капиталы — финансовый, денежный, реальный, доход. С другой стороны, они не образовали структурных уровней рынка, отсутствует и их (функциональных капиталов) иерархия. Для них характерно укоренение в разных горизонтальных секторах рынка, как будто рынок в своем становлении не выходит за границы пространства микроэкономики.

Так, финансовый капитал оккупировал отрасли сырьевого, топливно-энергетического комплекса, имеющие экспортную ориентацию. Денежный капитал локализован в сфере мелкого и среднего бизнеса, так как здесь в механизм инвестирования входит в качестве особой фазы превращение дохода в денежный капитал. Областью формирования оборота реального капитала стал теневой комплекс инвестиционных отраслей. Пожалуй, именно в этом секторе рынка экономика испытывает самые большие напряжения. Если в рамках нормативного рынка целостность реального капитала фиксируется в формах автономного оборота кредитных капиталов (ради смягчения такого рода автономности и складываются институты общего рыночного равновесия), то теневая экономика стремится создать систему автономного оборота капитала на базе редуцированных денег - бартере как деньгах текущего кредитования, неплатежах как форме теневого финансирования, денежных суррогатах в качестве инструментов товарного оборота. *Проблема вывода редуцированного денежного оборота в нормативную денежную систему, обороты которой основаны на денежном капитале, является для нас, может быть, самой острой.* Наконец, выделилась область дохода как финансовой базы потребительского комплекса отраслей и развития потребительского рынка с высокой долей импорта.

Любопытно, что привязка функциональных капиталов к разным секторам рынка обуславливает воспроизводство капитала через опосредование процессом образова-

ния секторальных доходов. Для финансового капитала существует инвестиционная цепочка "доход - долларизация дохода - инвестиции - финансовый капитал". Для остальных секторальных инвестиционных механизмов сложились аналогичные схемы. Однако именно поэтому (т.е. вследствие того, что доход в принципе способен стать универсальной рыночной категорией только в составе оборота денежного капитала) отсутствует свободный перелив капитала. Секторальная обособленность доходов частично преодолевается разными формами бюджетного финансирования, в том числе теневыми. Вместе с тем действующие хозяйственные механизмы не обеспечивают превращение дохода в денежный капитал. Это слабое место сложившейся в России бюджетной экономики.

В той мере, в какой сектор финансового капитала - основной поставщик государственных валютных резервов, бюджетную экономику нельзя рассматривать в качестве альтернативной формы финансовой экономики (рыночной макроэкономики). Скорее, бюджетная экономика играет роль переходной формы финансовой экономики - формы ее становления.

Соответственно, дальнейшее углубление рыночных реформ предполагает не увеличение или уменьшение масштабов бюджетного финансирования (субсидирования), а реформирование банковской системы, которая должна включить в денежные обороты взаимную метаморфозу разных функциональных капиталов в качестве предпосылки образования (на следующем шаге трансформационного алгоритма) единой денежной инвестиционной системы страны. В той степени, в какой эта система способна зафиксировать взаимодействие функциональных капиталов и иерархии структурных уровней рынка, горизонтальные рыночные связи разных секторов могут быть вычленены в область институтов конкурентного рынка микроэкономики.

* * *

Первое, что должно выбрать российское общество, это тип рынка. К какому рынку должна быть устремлена российская экономика: к рынку микроэкономики (рынку свободной конкуренции) или к рыночной макроэкономике? Объективно сложились экономические предпосылки второго варианта. К ним относятся высокий индустриальный уровень общественного производства и формирование на старте рыночных преобразований крупного финансового капитала, который сначала дополнил массовую (ваучерную) приватизацию, а затем стал лидирующим фактором рыночных преобразований. Вместе с тем экономическая политика, как правило, пока не выходит за рамки дилеммы "рынок-государство". Однако если исходить из экономических потребностей, то самой острой и самой общей задачей рыночной трансформации на современном этапе следует считать формирование институтов и структур денежного капитала.

Во-первых, деньги товарно-денежного оборота не могут обеспечить преодоление центробежной тенденции, которая естественным образом присутствует на российском рынке, состоящем из тех пяти секторов, о которых говорилось выше. Их разделяют специфические инвестиционные механизмы. Поэтому объединение секторов становится объединением инвестиционных оборотов, а значит, нуждается в денежном капитале.

Во-вторых, для российской экономики особо остро стоит проблема рыночной трансформации ее индустриального ядра, которое было создано в отрыве от общего рыночного равновесия и потребительского спроса. Социалистические предприятия индустриального ядра невозможно перевести в рыночную форму на основе товарно-денежного оборота. Даже акционирование, как показал опыт, еще не гарантирует образование массового рынка корпоративных акций. Мы полагаем - об этом не упоминается в данной статье. - что нужна особая переходная рыночная структура: специальный институт инвестиционного банка + организуемый и кредитуемый им

массовый рынок корпоративных акций³. С одной стороны, такого рода переходная рыночная структура сама создает массовость оборота корпоративных акции, в которых может быть заинтересован крупный финансовый капитал. С другой стороны. указанный специальный инвестиционный банк способен принять на себя часть рисков массового рынка корпоративных акций, что позволит корпоративным акциям или другим инструментам банка выйти на рынок денежного капитала. В этой связи важно. что огромный бартерный рынок - альтернатива не нормативному рынку, а именно рынку денежного капитала.

У нас много пишут о рыночной адаптации предприятий, не делая принципиальных различий для мелкого бизнеса и крупного предприятия, что неверно. Малый и средний бизнес может ориентироваться на спрос, который создается вместе с образованием сферы услуг и потребительского рынка. Крупное индустриальное производство может быть введено в рынок, опираясь на системные требования рыночной макроэкономики, которым отвечают основные функции фирмы как эмитента, инвестора, производителя и потребителя. Подход к рыночной трансформации, исходящий из становления рыночной макроэкономики, означает формирование сложной системы рынков, не ограничивающейся созданием правовой базы конкурентных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аукуционек С.П., Битяева А.Е. Российские предприятия в рыночной экономике. Ожидания и действительность. М., 2000.

Задорнов М. Ограничивать надо не приток валюты, а инфляцию // Коммерсантъ. 2001. 26 июня.

Илларионов А. Реальный курс экономического роста // Коммерсантъ. 2001. 25 июня.

Московичи С. Век толпы. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996.

Пригожий И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. М.-Ижевск. 2000.

Пригожий И., Стингерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.. 2001.

Разрушение системы неплатежей в России: создание условий для устойчивого экономического роста. Доклад Всемирного банка // Вопросы экономики. 2000. № 3.

Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991.

Шохин А. Илларионов хочет оставить Россию сырьевым придатком // Коммерсантъ 2001. 26 июня.

Л. Евстигнеева, Р. Евстигнеев, 2002

³ Идея Банка капитала впервые была выдвинута нами в статье "Социализм. Монетаризм. Либерализм (экономическая трансформация в России)" ("Общественные науки и современность". 1995, № 3). Она получила дальнейшее развитие в ряде последующих работ (см., в частности, "СНГ". 1998. № 2, 6; 1999, № 2; 2000. № 2)